

УДК 316.6 + 130.121:165.62

В. Е. Кемеров

СОЦИАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП И ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Статья посвящена понятию социального хронотопа и его роли в развитии современного социально-гуманитарного знания. Показано действие этого понятия в формах современной социальной методологии и проектирования новой социальной онтологии. Автор характеризует главные особенности социального хронотопа как понятия взаимозависимости социального пространства и социального времени, человеческой деятельности и социальной динамики. Автор приходит к заключению, что понятие социального хронотопа стимулирует серьезные изменения в методологии современного социально-гуманитарного знания.

Ключевые слова: социальное пространство, социальное время, социальный хронотоп, социальная онтология, методология обществознания.

Мировоззренческий смысл концепции социального хронотопа

В рассмотрении бытия как процесса смещаются акценты. Если первоначально психика фиксирует внешние, телесные различия людей и вещей, если в попытках обнаружить некий порядок сознание связывает объекты с определенными пространственными измерениями, с местами объектов и субъектов, то онтология-динамика заставляет учитывать их распределение во времени, их участие в его протекании и изменениях. Это, собственно, и вынуждает строить многомерные онтологии, развивать хронотопические воззрения для трактовки бытия как процесса.

В обыденном сознании людей идея хронотопа так или иначе проявляется уже довольно давно, по крайней мере с середины XX в. Вместе с тем хронотопичность социального бытия осознается весьма туманно, проблема взаимосвязи пространства и времени причудливо преломляется в традиционных стерео-

типах, ее новизна затушевывается, а острота притупляется, что порождает не только повседневные проблемы, но и чревато пагубными практическими последствиями.

Парадоксальное присутствие проблемы хронотопа *в повседневном* поведении и мышлении обнаруживается на различных уровнях понимания социальнойности.

Так, скажем, позиция личности, как правило, отождествляется с *местом*, которое человек занимает в обществе. Причем *место* — и это характерно для России — понимается буквально: как физическое пространство, на котором закрепился индивид, как площадь, кабинет, стол, кресло. Представление о бюрократе, например, прежде всего фиксирует то пространство, то место, ту ячейку геометрически представляемой композиции, из которой бюрократ действует посредством рычагов и механизмов. Это не менеджер, который вынужден управлять временем и распределенными в нем действиями людей и тем самым подтверждать наличие своей позиции, ее обоснованность. Это бюрократ, т. е. человек, владеющий местом и присущими этому месту средствами и инструментами. Работа со временем и связанные с ней личностные качества — все это реифицируется, превращается в свойства пространства, присвоенные индивидом.

Когда обыденное сознание оперирует представлениями о социальных системах, например об отдельных странах, оно прежде всего характеризует их через понятия географические, геометрические, физические, пространственные. На первый план выходят размеры, положение, выход (или отсутствие выхода) к океану, наличие (отсутствие) полезных ископаемых. Отсюда и суждения о силе, мощи, богатстве, потенциале системы. Время присутствует косвенным образом, через историю, понятую тоже в отношении к фиксированному пространству: оно проступает либо как традиция, либо как внешнее по отношению к особенностям системы измерение.

Сама идея современности оказывается парадоксальной. Большинство людей сознает, что они живут в быстроменяющемся мире. Но лишь немногие рассматривают эту эволюцию как изменения в связях собственного бытия, как изменения характера бытия своей страны, как становление новых способов человеческого взаимодействия. Современность в таком случае присутствует прежде всего пространственно, т. е. как неизбежность сосуществования в плотном контакте различных социальных систем. Они в этом представлении современны не потому, что вырабатывают и используют общую метрику социальных процессов, а потому, что существуют одновременно, будучи «вписанными» в уже заполненное (и в этом смысле — исчерпанное) пространство социального мира¹.

Можно говорить не о социальном хронотопе, а о *повседневной топохронии*, в которой временные определения либо погружены в пространственные, либо

¹ «...Можно принять, что с помощью новых энергий и технологий земное пространство и время теряют все в большей степени свои традиционные физические характеристики и получают новые социальные характеристики, возводя таким образом цивилизацию в качественно новое состояние, открывая перед ней новые возможности, а также новые угрозы» [4, 160–161].

дистанцированы от них. Сохраняется в этом подходе и традиция трактовки форм времени через формы пространства. С этим положением нетрудно было бы смириться, если бы не те изменения в жизни человеческого сообщества, которые во второй половине XX столетия коснулись практически всех. Пространство человеческого сообщества преобразуется. Но ведь оно меняется не физически. Не географически. Континенты, регионы, локальные цивилизации остались на прежних местах. Однако речь все более — об уплотнении контактов между ними, о проблеме образования общего, единого или глобального социального пространства. Речь, по сути, должна бы идти не только и не столько о пространстве, сколько о времени — об изменениях, сближающих различные социальные системы, о времени, качественно меняющемся и под видом общего социального пространства фактически продвигающем совокупность одновременно существующих и взаимодействующих в режиме on-line социальных систем.

Так *что* же или *кто* обусловил эти изменения времени (и пространства)? Кто является носителем и субъектом этих изменений? Данный вопрос имеет неотложное значение и для практической деятельности, и для функционирующего мировоззрения людей. Но внятного ответа и самого осознания вопроса нет. И на это — свои причины.

Для ясного осознания вопроса необходимо пересматривать стереотипы мышления, привычно погружающего людей во внешние для них времена и пространства.

Прояснить ситуацию с проблемой хронотопа могла бы, кажется, *методология* общественнознания, использующая арсенал современных научно-теоретических средств и модели работы со временем и пространством, которые формировались социально-гуманитарными дисциплинами в XX в. Однако и в этой области ситуация складывается довольно противоречивая. Интерес к хронотопической проблематике за последние пятьдесят лет значительно вырос. А вот методологическая определенность в постановке проблемы социального хронотопа отсутствует. Э. Гидденс характеризует эту ситуацию достаточно резко: «Не принимая в расчет последние работы географов, можно смело утверждать, что ученые-обществоведы потерпели неудачу в попытках представить и проанализировать формы организации социальных систем во времени и пространстве»².

Внешним для общественнознания и социальной философии стимулом разработки концепции хронотопа являются физические идеи начала XX в., связывающие движение, пространство и время, намечающие задачи исследования пространства и времени как форм бытия конкретных систем и их взаимодействия. Существенным подкреплением этого стимула оказываются концепции активных, самоорганизующихся, самоизменяющихся систем (Л. фон Берталанфи, П. Анохин, И. Пригожин), дополняемые конкретными исследованиями пространства-времени систем в геологии, географии, биологии, психоло-

² Хотя с момента появления этого высказывания прошло 20 лет, упрек Гидденса остается в силе. Появились новые работы по теме, но не осмыслено влияние хронотопической тематики на методологию общественнознания и современной философии [5, 174].

гии. Поворот ряда наук к качественному анализу сложных систем связывает пространство и время с организацией систем, с особыми отношениями между их элементами, с мерностью воспроизводства и смены этих элементов, взаимообусловленностью их функционирования. Эти идеи являются весьма эвристичными для разработки концепции социального хронотопа, но они не подлежат простому переносу в трактовки социального бытия, поскольку не соотносятся с его содержательным исследованием.

Поле социальности

Общество как поле деятельности различных, но взаимообусловленных субъектов представляет собой пространство, но не физическое пространство, в которое помещены субъекты, а пространство, образуемое ими, воспроизводимое их взаимообусловленным бытием.

Слово «поле» можно взять в кавычки, определив, что оно является метафорическим выражением схемы, рисующей человеческие взаимодействия так, как будто они происходят на плоскости. И тут же придется оговориться, что эта плоскость есть условие выражения, открывающего полисубъектную динамику, и вместе с тем есть условность, скрывающая свое происхождение из сложения и умножения сил взаимодействующих субъектов. Иначе говоря, она оказывается «полем», *относительно совокупности операций сложения и умножения субъектных сил.*

Но поскольку речь идет о воспроизводстве социального бытия, постольку в схему должна быть включена динамика повторов, а затем и динамика изменений. Стало быть, в схеме плоскость каким-то образом должна быть достроена объемом, а двумерное изображение становится трехмерным. Субъектные действия в совокупном «поле» оказываются взаимодействиями, а в «объеме» они обнаруживаются как элементы разных рядов, направлений, «потоков». Вместе с объемным схематизмом, выявляющим третье измерение — перспективу динамики, выявляется и четвертое измерение, определяющее смену субъектами друг друга, смену полями друг друга, т. е. выявляется время. С учетом этого «поле» деятельности может быть определено как векторное поле, в котором каждой субъектной позиции сопоставляются вектор действия, «линия» воспроизводства или изменения. На плоском срезе объемного схематизма разные протекающие во времени потоки деятельности могут обнаруживаться как непосредственно сочетающиеся. Эффект непосредственности создается за счет того, что схема «поля» отвлекается от временной динамики, а динамика взаимодействия или воспроизводства передается как одновременность. Но если вводится параметр времени — а это необходимо, когда сочетание потоков деятельности меняется, — мы, по сути, имеем дело с переменным векторным полем, полем, постоянно смещающимся, дающим моментальные отображения сочетаний полисубъектной деятельности.

Поле скрывает свою временность, но оно заряжено деятельностью, силами и взаимодействиями различных субъектов. Смысл поля как методологической схемы как раз в том, чтобы через статику выразить динамику, соединить

циклически сопряженные моменты субъектных взаимодействий и процессуальную динамику воспроизведения и изменения субъектами складывающихся структур. Отсюда и возможность рассматривать поле как пространство объективных связей между позициями и как пространство, порождаемое взаимодействиями различных агентов (П. Бурдые) [2, 3].

Само понимание субъекта (субъектов) развертывается в интервале между представлением, определяющим его в соответствии с позицией, и представлением его как силы, позиции воспроизводящей и изменяющей. Субъект реализуется в синтезе освоения позиции и ее преобразования, он выступает циклическим единством кинематики и кинетики деятельности. Отсюда и возможности представлять общество как плоскость, на которой запечатлена социальная полисубъектность, вписанная в логику вещей, и понимать его как совокупное напряжение субъектных сил, в котором воспроизводятся и порождаются социальные формы.

Проблема субъектности социального хронотопа

Вопрос о субъектах — носителях социального хронотопа постепенно нарастал в философии и общественном знании первой половины XX в. Исходным пунктом оказалась философская критика абсолютного пространства-времени; следующим шагом был отказ рассматривать динамику общества по пространственно-временным меркам природы, далее естественными оказались попытки понять собственную динамику отдельных социальных систем, разнообразие пространственно-временных континуумов в различных социокультурных образованиях. Сама эта тенденция отхода от классических представлений об абсолютном пространстве/времени требовала специального социально-философского и социально-гуманитарного объяснения. Но до этого исследование не доходило, оставаясь на уровне констатации различных социальных хронотопов и суждений о выраженности особенностей социальных и культурных систем в этих различиях. Время/пространство все еще носит бессубъектный, обезличенный, наиндивидуальный характер, представляется внешней для людей и отчужденной формой, хотя и формой, принадлежащей обществу.

Привычка мыслить хронотоп бессубъектно объясняется инерцией действия классической методологии, которая, вопреки ожесточенной критике обретавшего самостоятельность социально-гуманитарного познания, продолжала действовать в нем на всех уровнях [7, 11, 12]. Необходимость «рисовать» картину общества, начиная с крупных форм: систем, структур, классов, групп, а затем уже подводить под эти системы или сводить к этим формам бытие человеческих индивидов надолго определяет приемы исследования научного общественно-знания и преобразуется в нем в особого рода методологический штамп [9].

Современные социальные теоретики и социологи, конечно, признают, что мыслить социальное бытие, а стало быть и социальный хронотоп, без индивидов и малоинтересно, и непродуктивно. Но присутствие индивидов в социальных системах и структурах зачастую трактуется вполне в духе XIX в. Так, например, В. Ильин, рассуждая о взаимосвязанности индивидов и отноше-

ний, которые они создают и поддерживают, настаивает на возможности их раздельного рассмотрения. Причем в качестве аргумента он использует следующую метафору: люди уподобляются электрическим проводникам, по которым проходит электрический ток; и так же как не стоит отождествлять электрический ток с проводниками, так, собственно, считает он, и не стоит отождествлять людей с их социальными структурами, системами и пространствами... [13]. Вопрос, по сути, не о том, можно ли структуры общества рассматривать отдельно от людей или нет. Нетрудно представить достаточно ситуаций, когда в исследовательских целях мы абстрагируемся от индивидов и рассматриваем структуры, существующие как бы сами по себе. Вопрос — о другом: насколько точна предложенная метафора для рассмотрения социального хронотопа или социального пространства. Дело в том, что люди являются не только «проводниками» социального хронотопа, но и тем «током», который этот хронотоп создает и поддерживает. Они не только элементарные формы, проводящие социальную энергию, но и «ядерные» силы, эту энергию создающие, воспроизводящие и меняющие. Отсюда ясно, что без взаимодействия людей никакой социальный хронотоп невозможен и нет никакого смысла говорить о социальном пространстве и социальном времени. Неясно пока другое, как возможно действие социальных систем и соответствующих социальных теорий, в которых люди как будто отсутствуют или присутствуют в каких-то нехарактерных для их существования формах. Это часть важного социально-философского вопроса: как и почему возможно мышление об обществе, уклоняющееся от конкретных характеристик человеческих индивидов?..

Судя по всему, особая роль проблемы социального хронотопа начинает осознаваться в связи с тем, что во второй половине XX столетия существенно меняются формы пространственно-временной организации социальных взаимодействий на всех уровнях — и на уровне больших социальных систем, и на уровне крупных комбинированных социальных субъектов, и на уровне непосредственных межличностных человеческих контактов. Какие из этих изменений в предварительном плане можно выделить?..

Во-первых, можно отметить тенденции развития качественной деятельности людей, выводящие их из-под господства больших социальных структур; социальная значимость индивидов все менее определяется их адаптированностью к структурам и все более — их личностным вкладом в практические результаты деятельности. Соответственно заметнее становится воздействие индивидов на функционирование, изменение и преобразование социальных структур. Пространственно-временная организация, внутренне присущая этим структурам, обеспечивающая их устойчивость и сохранение, таким образом выводится из автоматического режима и тоже обнаруживает свою зависимость от индивидов, характера и содержания их взаимодействий. Происходит своего рода отрыв человеческих взаимодействий от фиксированных временных и пространственных стандартов. Внешний пространственно-временной «каркас» человеческой деятельности утрачивает свой квазивещественный, квазинатуралистический, объективно-принудительный характер и обнаруживает признаки пространяемых самими индивидами социальных связей.

Заметным значение этого момента становится тогда, когда мы учитываем согласованную деятельность, производимую в сколь угодно удаленных друг от друга точках пространства. Так называемые «невидимые колледжи» являются тому лучшим примером. Совместно-разделенная деятельность ученых выстраивается в определенную пространственно-временную структуру не на основе их непосредственной совместности (пространства), а на условиях определенной последовательности и одновременности действий, определяемых порядком решения общей проблемы. Общее пространство образуется не непосредственными взаимодействиями людей и не их подчинением какой-то фиксированной физически структуре. Оно предстает сочетанием последовательных и одновременных действий, каждое из которых оказывается и элементом времени, и элементом пространства. Подобные примеры мы можем привести, обращаясь к современным формам финансовой, производственной, военной, образовательной деятельности и т. д.

Субъекты-индивиды появляются в фокусе хронотопической проблематики не потому, что большие структуры общества теряют свое значение. Дело в другом: изменение, преобразование, становление новых форм социального хронотопа отчетливее всего обнаруживается на уровне совместно-разделенной деятельности человеческих индивидов. Именно на этом уровне *становление хронотопа* открывается в актах и контактах социальных взаимодействий, именно на этом уровне определяется значение *фазы становления и для воспроизводства* социальных форм, которое зачастую представляется автоматическим, обезличенным, квазиприродным процессом.

Социальный хронотоп, как и другие структуры, начинает утрачивать свою «внешность» по отношению к бытию индивидов. Он в своей реализации (и в своих) изменениях оказывается зависимым от них. Поскольку все более значимым оказывается воздействие людей на формы последовательности и сопряженности их действий, на выбор этих форм, на определение их конфигурации, хронотоп в некотором смысле осуществляется «внутри» человеческих взаимодействий. «Внутри» не в плане того, что он превращается в некую субъективную, психологическую реальность, а в том смысле, что он, включая и эту психологическую реальность, воспроизводится и обновляется в действиях, распределенных между субъектами, в действиях, зависящих от сил и способностей субъектов, от связи этих сил и способностей, от их воплощения в определенные предметные результаты.

В условиях такого функционирования социального хронотопа социальное время как бы растягивает социальное пространство, выводит его за рамки непосредственной социальной совместности индивидов³. Выполняя опреде-

³ «Пространство-время означает сейчас открытость, просвечивающую во взаимном протяжении наступающего, осуществившегося и настоящего. Одна эта открытость и только она впервые вмещает привычно известное нам пространство во всей возможной для него широте... Подлежащее такому осмыслению присутствие мы не можем отнести к одному из трех измерений времени, а именно, как это напрашивается, к настоящему. Скорее единство трех измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра оказывается особенным, в собственном времени разыгрывающимся протяжением, т. е. «как бы» четвертым измерением — не только «как бы», но и по сути дела» [15, 399–400].

ленное действие в запроецированной последовательности, человек может образовывать пространство с людьми, находящимися далеко за пределами прямых контактов с ним; согласованность кооперируемых действий, а не их сопричастие образует конкретное поле социального пространства. В этом плане субъект социального хронотопа реализует социальное время и социальное пространство как разные, но взаимосвязанные аспекты бытия, разные связи с людьми, с предметностями, оформляющимися и воспроизводящимися совместно-разделенной деятельностью.

В этом плане неоднородность социального времени может быть понята не только как его разорванность, как присущность разным социальным системам и разным ритмам социального бытия, но и как его распределенность между разными социальными субъектами или системами, разделенными в социальном пространстве, но связанными различиями их деятельностей, последовательностью, целью и результатом. В этом смысле время находится не вне людей и не между ними, а в их деятельностях и в их прямых и косвенных связях, в определенных порядках этих связей, опять же разделенных между субъектами.

Хронотоп как социальная форма

Развитие темы социального хронотопа явственно сопряжено с осмыслением темы социального времени. Если для традиции и для классики было характерно осознание времени в формах пространства, его натурализация, овещнение и овнешнение (по отношению к людям), то в нынешней ситуации важной, а потому и более понятной становится задача осмысления пространства в формах времени, в особенности времени социального. Возрастает объем вопросов, направленных на уяснение того, как социальные субъекты поддерживают согласованную структуру операций в условиях дальнего действия, чем связаны их действия в отсутствие механических рычагов, вынуждающих их работать согласованно. Пространство оказывается представленным через понятия структуры, одновременности, организации, последовательности, порядка производства.

Другая группа вопросов возникает на основе понимания того, что социальное пространство как своего рода освоение людьми пространства физического, географического, земного наталкивается на пределы физическим же пространством и полагаемые. Иными словами, экстенсивное развертывание социального пространства, еще не будучи толком осмыслено, исчерпывает свои ресурсы. Собственно, пространство и являлось главным природным ресурсом человечества, включавшим все остальные. Поэтому тему исчерпания природных ресурсов — сырья, энергии, атмосферы — следовало бы раскрывать, начиная с рассмотрения исчерпанности экстенсивного подхода к пространству.

Интенсивный подход к пространству как раз и предполагает рассмотрение его в зависимости от времени, как пространственного воплощения времени, как превращения социального времени в социальное пространство. Возникает тема взаимообратимости социального времени и социального пространства;

эта взаимообратимость становится понятной, если мы учтем, что социальное время и социальное пространство являются разными аспектами совместной, но разделенной между людьми деятельности.

Интенсивный подход к пространству стимулируется еще и тем, что истощенность экстенсивного его освоения заставляет искать ресурсы социального воспроизводства уже не в природных условиях, а в человеческой деятельности, в ее структурах и преобразовании этих структур.

Таким образом, воспроизводство и развитие социального пространства достигается не распространением человеческой деятельности на природные объекты, а изменением ее моделей, порядков, организаций. Но изменение этих порядков означает преобразование последовательностей человеческих действий, т. е. изменение временных цепочек, в которые выстраиваются связи социальных субъектов. Пространство раскрывается как время, социальное время реализуется как социальное пространство. Социальное пространство и социальное время как разные аспекты человеческой полисубъектной деятельности интегрируются в бытии этих субъектов и оказываются формами их связи друг с другом [8].

Социальный хронотоп — это социальная форма. Но форма особого рода: она характеризует человеческие общества и взаимодействия как процессы, причем как процессы, в которых субъекты могут быть и непосредственно связаны и разделены во времени и пространстве. В этом аспекте социальный хронотоп оказывается характеристикой опосредованных и непосредственных социальных связей, образуемых сложным сочетанием и переплетением подвижных человеческих взаимодействий. Социальный хронотоп — социальная связь, но связь многомерная, поскольку он сочетает разные линии взаимозависимости между людьми. Социальный хронотоп — форма, но форма динамическая, существующая и проявляющаяся в процессах социального воспроизводства, возникающая в процессе обновления отношений между людьми, создания ими новых структур и институций. Динамизм социального хронотопа как формы определяется его укорененностью и распределенностью во взаимодействиях людей и их самореализации. Вне отношения к этим деятельностиам социальный хронотоп существовать не может.

Трактовка социального хронотопа как динамической связи между социальными субъектами накладывает отпечаток на понимание и представление других социальных форм.

Первоначально социальный хронотоп рассматривается как важная добавка к традиционным социально-онтологическим схемам. Но развертывание идеи социального хронотопа так или иначе затрагивает все важнейшие аспекты современного понимания социальной онтологии. Развернутая концепция социального хронотопа влияет и на принципы обоснования социальной онтологии, и на признание ее многомерности, и на введение субъектного измерения в истолкование всех схем онтологии. Преодоление традиционных противопоставлений социального и индивидуального, внешнего и внутреннего, объектного и субъектного уже определенным образом указывает на те изменения, которые происходят в современных онтологических представлениях. Принципиальным

же является то, что идея хронотопа придает онтологии динамический характер, побуждает трактовать общество как процесс и доводить понимание процесса до порождающей его формы и энергии человеческой субъектности.

Что это, по сути, означает? Принятие идеи социального хронотопа, как принципиальной в методологическом и мировоззренческом смысле, побуждает нас рассматривать системы, структуры, субъектов, объекты социального бытия как динамические формы, как процессы. Иными словами, мы начинаем представлять субъектов (системы, структуры, их связи) не наряду с социальными процессами, но как составляющие процессуального бытия, как различные компоненты и формы этого процессуального бытия. Структура оказывается не внешней формой, в которую помещаются субъекты и объекты, а формой процессуальной взаимозависимости этих субъектов во времени и пространстве. Социальный хронотоп выявляется как форма, связывающая разные аспекты *процессуальности* социального бытия. Это своего рода «клей», обеспечивающий взаимосвязь разных компонентов социального бытия, демонстрирующий свое значение тем заметнее, чем более разделенными, «отдаленными» в пространстве друг от друга оказываются субъекты, чем более опосредованными между ними становятся отношения и зависимости.

Вопрос о процессуальности социального бытия порождается самой дискретностью, т. е. прерывностью человеческой реальности, поиском практических и теоретических «указателей» на силы или формы, «стягивающие» отдельные фрагменты жизни общества в некое целое. Именно в свете этого вопроса становится понятным, что фрагменты социального бытия существуют не сами по себе, а как обособления и отдельные моменты социальных процессов. В этих процессах они, собственно, и обнаруживают свое нефизическое, т. е. социальное, качество.

Для понимания социального процесса особое значение имеет понятие деятельности. В условиях, когда господствуют формы непосредственной зависимости между людьми, когда их социальная связь выражена в простой кооперации и совместности, особой потребности в понимании *процесса* социального бытия не возникает. Но когда непосредственные зависимости людей начинают уступать свое место опосредованным связям (отношениям) их *во времени и пространстве*, тогда возникает и практическая, и теоретическая необходимость в осмыслении процессности социального бытия, а само понятие социального процесса начинает оказывать сильное воздействие на характер и содержание ключевых понятий обществознания.

Когда в характеристику социального бытия вводится концепция социального хронотопа, как принципиальная с методологической точки зрения, это, по сути, означает, что мы начинаем понимать социальное бытие не только как процесс «в общем виде» в духе классических представлений. Это означает, что мы изначально пытаемся представить социальное бытие как взаимосвязь процессов, как структуру процессов, как их некую «полифоническую» совокупность.

Социальная онтология перестает быть картиной социального мира в буквальном смысле; она может описываться как «картина» только метафорически.

Возникает проблема построения модели социальной динамики, модели (или совокупности моделей) взаимосвязи социальных процессов, сочетающих становление, воспроизведение, изменение и развитие различных социальных форм.

Такая модель, конечно, не может быть одномерным пространственным изображением социального бытия. По существу она (модель или картина) не была таковой и раньше, ибо предполагала различные представления общества и представления различных обществ. Но в основу понимания этой картины или совокупности онтологических представлений тем не менее полагалось представление общества как объекта, как системы особых квазивещественных или квазинатуральных условий, в рамках которых могли быть понята и люди, и их действия.

Онтология-динамика

С введением концепции хронотопа в рассмотрение основ социальной онтологии процессуальность, динамика, временность становятся условиями трактовки структурности, устойчивости, пространственности социального бытия. Соответственно деятельность людей становится условием трактовки обстоятельств их бытия, систем их взаимодействия, средств их существования и самого процесса изменения связей между этими системами, взаимодействиями и средствами.

Если говорить о построении социальной онтологии из имеющихся уже в распоряжении средств, то этими средствами оказываются философско-методологические понятия, приближающие нас к пониманию социального бытия как процесса (процессов). Это понятия деятельности, социального воспроизводства, социального взаимодействия, становления, изменения, развития и т. п. Но данные понятия, попадая в сферу развертывания концепции социального хронотопа, утрачивают свою абстрактную форму, т. е. отвлеченность от бытия субъектов, от конкретно-социальных, исторических условий. Так, например, понятие деятельности, имеющее принципиальное значение для трактовки социального бытия как процесса, не может быть использовано в рамках хронотопической концепции как понятие, характеризующее взаимодействия абстрактного субъекта с абстрактным же объектом или как воздействие эмпирического индивида на отдельную вещь.

В рамках хронотопического подхода деятельность представлена в своей разделенности между различными субъектами, позволяющей совместным усилиям людей достигать эффектов, недостижимых при простом сложении их сил. Иначе говоря, деятельность предстает полисубъектным процессом, придающим черты полисубъектности и всей социальной онтологии [10].

Деятельность субъектна, дискретна, индивидуализирована и вместе с тем онтологична, континуальна, социальна, так как связывает различные действия, функции, акты самореализации разных индивидов.

Хронотопический подход акцентирует внимание на зависимости социальных форм от таким образом трактуемой (и реализуемой) деятельности людей.

Эти формы перестают быть внешними объектами, диктующими людям условия жизни и общения, но и сами они обнаруживают свою воспроизводимость, т. е. устойчивость бытия, в деятельности людей. Люди же в деятельности подтверждают актами созидания и воспроизведения условий свое бытийное, онтологическое, объектное значение, т. е. выступают главными элементами, компонентами, «ядерными» силами социального бытия, «ядерными» формами социальной онтологии.

Объекты-вещи в их отдельности и в их различных конфигурациях также обнаруживают свою зависимость от полисубъектной деятельности людей: они обретают и обнаруживают социальные значения в процессах общения и самореализации людей, выполняют функции условий, средств и результатов деятельности и именно потому раскрываются в полисубъектных связях социального бытия. Таким образом, вещные условия, так называемое «объективное положение» вещей, утрачивают свой квазинатуралистический характер, что означает: на первый план в социальной онтологии выходят ее субъектное содержание и оформление.

Поскольку субъекты взаимодействуют и реализуются хронотопически, т. е. через временные и пространственные связи, они именно посредством хронотопа (хронотопов) образуют разные субъектные композиции, которые могут характеризоваться как «сборные субъекты», группы, классы и т. п. Понятно, что хронотопы, а следовательно и субъектные композиции, могут оформляться по-разному. В этом плане и большие системы общества могут пониматься как разные хронотопы, а само большое общество, в форме государства например, может трактоваться как хронотоп хронотопов.

Далее возникает задача создания типологии хронотопов. Решение этой задачи позволит избежать предельно абстрактных характеристик социальной онтологии, а стало быть, сохранить установку на ее процессность и динамику. В другом аспекте создание такой типологии позволит дать более конкретное представление о субъектном содержании и оформлении социальной онтологии.

Выделение типов хронотопических связей дает возможность внести динамический аспект в понимании основных типов социальности. Поскольку модель социального хронотопа приближается к особым типам социальных связей, она неизбежно вступает в плотный контакт с конкретно-научным и конкретно-историческим материалом. Сама история оказывается тогда представлена хронотопически как связь различных хронотопов (типов общества) во времени и как взаимодействие различных хронотопов (обществ, культур, цивилизаций) в пространстве⁴.

В *постиндустриальном типе*, идущем на смену *индустриальному*, радикально меняется сама стратегия рассмотрения и использования хронотопа. Это связано по крайней мере с двумя обстоятельствами.

⁴ «Кто сказал, что История — это только и исключительно попытки осмыслить Прошлое и что так будет всегда? Нельзя ли на это возразить, что исторические музеи стали в последние десятилетия так невероятно популярны именно потому, что вышли за рамки задачи концептуализации прошлого и превращения его в Историю?..» [6, 47].

Социальное пространство развернуто в пределах Земли, и дальнейшее его распространение не предполагается. Если история не закончилась, она будет протекать в формах использования времени, его наполнения, интенсификации, синтезирования качественных форм человеческой деятельности и взаимодействий⁵.

В образующемся общем социальном пространстве синхронно существуют общества/государства, культуры/цивилизации, т. е. пространства, относящиеся к разным социальным и, стало быть, хронотопическим типам. В практическом смысле возникают проблемы конфликта и согласования разных типов хронотопов. В плане теоретико-методологическом определяется задача трактовки социального хронотопа как многомерной системы, сочетающей различные региональные хронотопы с их особыми ценностно-нормативными «механизмами» и глобальный хронотоп, делающий возможными политические, правовые, транспортные, культурные, информационные коммуникации в масштабах человеческого сообщества⁶.

1. *Бауман З.* Текущая современность. СПб., 2008.

2. *Бурдьё П.* Поле науки [Электронный ресурс]. URL: <http://Bourdieu.name/content//pole-nauki> (дата обращения: 07.06.2013).

3. *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.

4. *Ганчев П.* Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии // *Вопр. философии.* 2007. № 8.

5. *Гидденс Э.* Устройство общества. М., 2003.

6. *Гумбрехт Г.-У.* Современная история в настоящем меняющегося хронотопа // *НЛО.* 2007. № 83.

7. *Кемеров В. Е.* Время социальное и пространство социальное // *Современный философский словарь.* Лондон, 1998.

8. *Кемеров В. Е.* История // *Новая философская энциклопедия.* М., 2010. Т. 2.

9. *Кемеров В. Е.* Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // *Вопр. философии.* 2006. № 2.

10. *Кемеров В. Е.* Общество, социальность, полисубъектность. М., 2012.

11. *Кемеров В. Е.* Обществознание // *Современный философский словарь.* Лондон, 1998.

12. *Кемеров В. Е.* Социальная философия. М., 2004.

13. Социальное пространство // *Ильин В.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ (1917–1996) [Электронный ресурс]. URL: <http://socnet.narod.ru/library/authors/Ilyin/syrata/html> (дата обращения: 07.06.2013).

14. *Тоффлер А.* Футурошок. СПб., 1997.

⁵ «Рассматриваемое изменение — новая неуместность пространства, замаскированная под полное уничтожение времени. В мире “программного обеспечения” с перемещениями со скоростью света пространство может быть аннулировано. Пространство больше не устанавливает пределы действиям и их последствиям и имеет мало значения, если вообще имеет. Как сказали бы военные эксперты, оно утратило свою “стратегическую важность”» [1, 128].

⁶ «Нам нужно распространять динамические несверхъестественные образы временной жизни: какова она будет... в приближающемся будущем» [14, 346]. «Разрушение контроля в сегодняшнем обществе непосредственно связано с нашими неадекватными представлениями о вероятном будущем» [Там же, 377].

15. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / пер. В. Б. Библихина. М., 1993.

Рукопись поступила в редакцию 7 июня 2013 г.

УДК 378.4(470.5) + 378.18

**А. В. Меренков
Н. Л. Антонова
Е. С. Дорожинская**

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

На материалах социологических исследований выявляются основные проблемы адаптации студентов, прибывших на учебу в УрФУ из стран ближнего и дальнего зарубежья, определяются трудности в организации учебной, бытовой, досуговой жизнедеятельности студентов, рассматриваются варианты совершенствования системы организации адаптации иностранных студентов в данном университете.

Ключевые слова: иностранные студенты, адаптация, адаптация иностранных студентов, Уральский федеральный университет.

В современном мире интенсивно развиваются межгосударственные образовательные контакты, увеличивается число молодых людей, получающих высшее образование за пределами своего государства. В 2012 учебном году в Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ) было зачислено около 300 иностранных студентов, 70 из них приехали из стран дальнего зарубежья. В университете сегодня учатся молодые люди из 36 государств мира [1]. Рост численности иностранных студентов в вузе актуализирует проблемы, касающиеся их успешной адаптации к учебе, освоения социокультурных норм и ценностей, связанных с особенностями проживания в одном из крупных городов России.

Социальная адаптация иностранных студентов представляет собой особый вид изменения стереотипов их поведения, выработанных в процессе социализации в иной культурной среде. При этом происходит определенное изменение и культуры самой общности с целью обеспечения успешного включения личности в ее повседневную жизнь.

Разделяя позицию П. М. Козыревой о том, что социальная адаптация выступает формой активного отношения субъекта к окружающей действительности и направлена на преобразование объективно существующих структур и личностного потенциала [2], мы полагаем, что всегда имеются определенные трудности. Их причиной является столкновение разных культур, которые характеризуют устойчивость поведения адаптанта и принимающего сообщества. Человек в процессе социализации приобретает как некие общие для многих